Александр Егоров

Автобиография

Бегство от реальности в реальность

Бегство от реальности в реальность

или Homo Amens - человек безумный

Посвящается моим сыновьям Артемию, Михаилу и Димитрию

2025

Предисловие

Я родился в канун Нового года и, сейчас, семьдесят лет спустя, на пороге 2025-го, ощутил тихую потребность оглянуться назад, уверенный, что это путешествие не обратит меня, как жену Лота, в соляной столп.

Моя жизнь — не линейная дорога, вымощенная расчётами и чёткими планами, а скорее случайно сплетенная ткань, полная неожиданных узоров, напоминающих строки стихов. Именно поэтому моя автобиография сложилась из поэтических осколков, строк, вырванных из времени. Они рассказывают обо мне больше, чем мог бы рассказать я сам.

Единственной нитью, что связывала все это воедино, было стремление понять — зачем я здесь? Этот смысл я обрел там, где логика бессильна: на пороге интуиции, в тихом хаосе души. Хочется сказать, что нашел его в «квантовом компьютере» своего тела, но, быть может, эта метафора слишком громоздка. Да и не важно. Не в этом дело.

О чем же тогда этот рассказ? О том, как научиться слышать смысл в невнятном шёпоте жизни, оставаясь благодарным ко всем его участникам.

Самое важное

1998 год, Санкт-Петербург. Мне 43 года. Знакомые пригласили меня отправиться с ними на ретрит с тибетским учителем Ати-йоги (Дзогчен) Намкхаем Норбу. Ретрит проходил в небольшом городке недалеко от Москвы. Эта неделя прошла как во сне. То, что я узнал там, находилось за гранью логики, и я едва мог поверить, что такое знание вообще существует. Опыт был практически невыразим, но его можно было описать одной фразой: “Не может быть. Но оно было.” Как в одноименном фильме, снятом по рассказу Михаила Зощенко.

Вернувшись в Санкт-Петербург, я присоединился к Дзогчен-общине и начал практиковать Ати-йогу. Практики я делал два раза в день, утром и вечером. Они вдохновляли меня в художественной работе и давали силу сохранять внутренний покой и продолжать свой путь. Постепенно пришло понимание и уверенность в том, что именно я должен делать в повседневной жизни.

Качество своей жизни стал измерять количеством времени, когда я присутствую в моменте!

В стране был полный хаос и расцвет бандитизма с конкретными взрывами и перестрелками в общественных местах. У нас с женой было трое сыновей. В то время я зарабатывал на жизнь продажей своих картин, написанием портретов, чаще всего жен так называемых “новых русских” и

оформлением интерьеров для новых офисов. Ничто не предвещало, что уже через три года я стану беженцем в Швейцарии вместе с детьми.

История эмиграции

Моя история переезда из России началась в 1988 году. Это было в поезде, который вёз меня на юг Советского Союза к Чёрному морю. Я направлялся к известному пчеловоду Татаренко, чтобы учиться пчеловодству. Со мной ехала весёлая компания подруг, одна из которых по - имени Оксана привлекла моё внимание.

И если чувствуешь себя совсем один,
Охватывает волшебством тебя любви инстинкт.

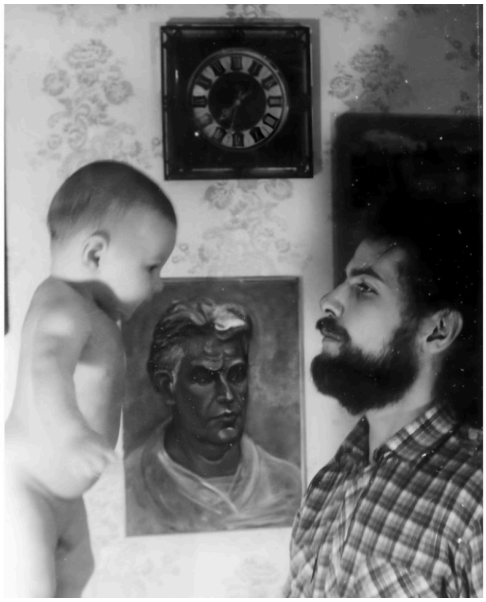
Мы познакомились. “Сбрось кожу своего рационального мышления”, — сказали её глаза, и вскоре мы ждали ребенка.

В то время у меня был дизайнерский заказ в родильном доме им. Снегирёва в Ленинграде, где содержание новорожденных и их мам привело меня в состояние лёгкого шока. Это казалось анти-человечным. Столкновение с таким жёстким и механистичным подходом к человеческой жизни вызывало желание найти место, где царила бы другая атмосфера — более естественная и гармоничная. И вот так я оказался в Шувалове, на берегу Суздальского озера, в общественной бане, куда я часто приходил, чтобы отдохнуть и встретиться с друзьями, помешанными, так же как и я, на всех эзотери-

ческих учениях сразу. Местные банные традиции были мне хорошо знакомы, но одна новость тут привлекла моё внимание особенно сильно. Говорили, что недалеко от бани есть сауна, расположенная прямо на воде, и что там иногда появляется Игорь Чарковский — человек, который прославился своей работой по организации родов в воде. Его имя было связано с водными родами в США, где его американский друг Давид, работавший во Флориде, проводил эти роды с участием дельфинов. Я был удивлен, что Давид в это время был в Санкт-Петербурге, и вскоре мы с ним познакомились.

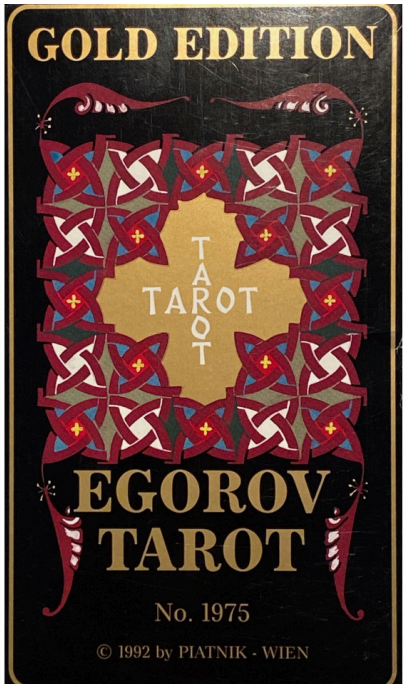
В баню приходили беременные женщины с мужьями и акушерками, поддерживающими домашние роды. Это была наша компания. Мы учились, как самостоятельно рожать в воде. Так наш первый ребёнок Артемий успешно родился дома в ванной. Три дня наша квартира превратилась в бесконечную вселенную любви. Время остановилось.

Музыка звучит паузами между нот.



АРТЕМИЙ, ЖЕНА ОКСАНА И Я, 1990

Родовой поток принес идею создания первой русской колоды карт Таро, позже фирма Piatnik назвала его нашей фамилией Egorov Tarot. Все 78 карт были нарисованы за три месяца.



Я показал их своему новому американскому другу Давиду. Он отвез эскизы в Нью-Йорк своему знакомому Ричарду Каплану, профессиональному эксперту по Таро и автору четырехтомной энциклопедии Таро. Каплан одобрил карты и посоветовал продать их венской фирме Piatnik.
Эта фирма выплачивала нам доход в виде безымянных чеков. Больше всего радовался мой отец, который не верил, что мои эзотерические интересы могут приносить прибыль. С рождением долгожданного внука творческий процесс привел меня к успеху.

Мир вне социальной обусловленности посылает весть в форме сказки.

Так появились следующие колоды карт на тему русских народных сказок “Сказочный Таро” и “Таро Русской истории”. Последнюю я начал рисовать во время сорокадневного ретрита "Огненный цветок" с Игорем Калинаускасом и Евой Весельницкой в Киеве. Старшие арканы для неё были вдохновлены языческой культурой Киевской Руси.
Мы получили деньги за обе колоды, но они так и не были напечатаны: директор фирмы умер, а его преемник по неизвестным причинам прекратил производство.

В этом мире иллюзий и фантазий лишь одна точка реальна: точка начала мира. Это любовь.

И как это любовь иногда воплощается во времени остаётся тайной. Я поехал поездом в столицу Литвы, Вильнюс, чтобы встретиться с Виргинией, мастером школы Игоря Калинаускаса, с которым я познакомился в Ленинграде на дне рождении подруги моей жены. По его словам, в основании его школы был сам Сократ. Для меня, любителя древних мифов и сказаний, это звучало весьма привлекательно.
В купе со мной ехали два весёлых литовца — предприниматели, возвращавшиеся домой после удачной сделки. У них было огромное количество алкоголя и еды. Мне пришлось подтвердить популярную шутку того времени: «Русский йог — пьющий йог». К счастью, меня встретили ученики Виргинии. Я благодарен им за то, что они привели меня к себе домой, напоили чаем и спать уложили.
Новые литовские друзья, ученики Виргинии, предложили мне выгодно вложить деньги и я, наивный эзотерик, доверился их

обещаниям. Сначала я действительно получал хорошие проценты каждый месяц, но это длилось недолго. Вскоре деньги исчезли, а извинений я так и не услышал.
Мне было предупреждение, что деньги пропадут. Неприятность произошла, когда я приехал с деньгами и шёл по Вильнюсу к квартире своих знакомых. Внезапно меня настигла группа парней, один из которых направил на меня пистолет. Они потребовали показать содержимое карманов и сумки, в которой была бутылка дорогого вина. Я спокойно ответил, что у меня кроме вина ничего нет, и что я иду к друзьям его выпить. Они обрадовались, забрали бутылку и ушли. Этот знак, который, казалось, посылала Вселенная, я не понял.

А шекспировский Гамлет произнес за спиной:
“Век вывихнут…”

Вернувшись домой, я однажды вечером лег спать и закрыл глаза. Внутри меня бушевал сильный ветер, а в полной тишине звучала музыка флейты. Меня охватило ощущение пребывания в ином времени. Я выходил из храма с женщиной, чье лицо мне было не узнать. Она беззвучно сказала:

“Все, что проявляется и есть истинный смысл. Войди в это состояние, пойми его и не отвлекайся.”

Так появилась картина «Иное время», которую я смог представить на персональной выставке в Академической капелле имени Глинки в Санкт-Петербурге при выступлении

дуэта Зикр, известного в эзотерической среде своей шаманской музыкой. Позже я устроил выставку в офисе одной женщины, называвшей себя магом и бодхисаттвой. Её имени я упоминать не хочу, так как она украла одну из моих картин. История эта забавная: если бы она её попросила в подарок, я бы подарил ей, не задумываясь.

ИНОЕ ВРЕМЯ

УКРАДЕННАЯ КАРТИНА

Чувство, что окружающие сходят с ума, было и остается реальным до сих пор, усиливаясь с каждым днем.

Но анализировать происходящее — не мое. Для меня анализ — это ловушка, способ усилить собственную интерпретацию мира. Это меня не интересует. Я стремлюсь услышать мир сердцем или хотя бы пытаюсь это сделать.

Очень помогала практика Зеленой Тары. Она успокаивала вечно болтающий ум, давая возможность слышать, что сердце скажет.

Однажды ночью пришла идея нарисовать колоду покерных карт с изображением ведущих политиков и новых русских олигархов. Странная идея. Где моя жизнь и где жизнь политиков?

Назвал я колоду “RussianNet” и изобразил 54 политика в виде пауков, сплетающих сети власти и денег. Разобраться кто есть кто в колоде карт мне помог знакомый тележурналист с 6-го канала ленинградского телевидения. Его настрой был очень критичен к так называемым новым русским.

Бельгийская карточная компания Cartamundi заинтересовалась этими картами. Когда их представитель был в Москве, я передал ему через знакомую все эскизы. Ответа не дождался и не увидел больше своих рисунков. Вскоре начались проблемы, угрожавшие жизни моей семьи. Подробностей я не могу рассказать, так как участники этой истории все еще живы.

Я продолжал свою ежедневную практику Зеленой Тары, надеясь найти выход из опасной ситуации. Ответ пришел, как всегда, ночью перед рассветом: мне нужно было срочно собрать детей и уехать в другую страну, никому ничего не рассказывая. Но в какую? В газете я нашел объявление адвоката, предлагавшего помощь в оформлении документов на выезд. После беседы с ним стало ясно, что Швейцария — это та страна, где нас примут. Это оказалось абсолютной истиной.

Это был 2001 год. Тучи сгущались. Моя жена решила начать новую семью и уже ждала ребенка от другого мужчины. Вполне возможно, что, сама того не осознавая, она поспособствовала тому, чтобы я с нашими тремя сыновьями переехал в другую страну. Сегодня, глядя назад, становится ясно, что в новой стране под названием РФ нет места для мальчиков. Их либо готовят к тому, чтобы убивать, либо к тому, чтобы быть убитыми. Своим поступком, хотя и высокой ценой, она совершила невероятный подвиг. Без осознания этого она спасла своих троих детей, позволив нам эмигрировать.

Я отправил по почте свои картины и холсты до востребования в Берн, купил туристическую путевку в Женеву на десять дней для меня и моих троих детей, взял этюдник с красками и улетел, не оглядываясь на любимый мой Ленинград — Санкт-Петербург.

Я сидел в самолёте и размышлял о том, что я вырос в городе — призраке, который умеет отражать европейскую культуру, что за пределами Петербурга в любом другом городе СССР я всегда чувствовал себя иностранцем и спасибо ему за то, что он не смог втянуть меня в трясину советского империализма и идиотизма.

Я испытываю чувство благодарности ко всем, кого знал в этой стране, но связи с кем-либо у меня больше не осталось, кроме моей мамы. Она благословила нас в момент расставания. Позже она каждый год приезжала к нам на три месяца и радовалась счастливому детству своих внуков.

Начало новой жизни

Про Швейцарию я знал только то, что существует “швейцарский” сыр, и в Швейцарии он оказался котом Шрёдера. Нет такого сорта сыра в Швейцарии, а в СССР был.

На швейцарскую землю мы приземлились 10 августа 2001 года и на следующий день подали заявление о политическом убежище. Нас направили в центр для беженцев в городе Лисс. Мы жили в одной комнате, и, невероятно, мне предоставили мастерскую, где я мог свободно писать картины. За пять месяцев, что мы там провели, мы смогли изучить немецкий язык и познакомиться с некоторыми особенностями жизни в этой стране.

После пребывания в Лиссе нам предложили переехать в отдельный деревянный дом с великолепным видом на Альпы в деревушке Тойффелен. За домом на маленьком участке мы сразу поставили стол для настольного тенниса. Это было потрясающе!

МИХАИЛ, АРТЕМИЙ И ДИМИТРИЙ

МИХАИЛ, ДИМИТРИЙ, АРТЕМИЙ И Я, 2002

И еще одно чудо: сотрудницы центра для беженцев, две замечательные женщины (хотя женщины по определению не могут быть не замечательными), организовали для меня персональную выставку в литературном кафе города Нидау.

ЦЕРКОВЬ В ЛИГЕРЦЕ

НАД МОРЕМ ТУМАНА

Единственная проблема была у меня в голове: я не понимал преимущества жизни в деревне. Я вырос среди гранита, дворцов и парков в центре Санкт-Петербурга, а теперь мои дети оказались в деревенской школе. Позже я понял, насколько нам повезло. В школе учились преимущественно швейцарские дети, а не те, чья культура отличается от европейской. Мои сыновья быстро завели друзей и адаптировались к новой стране. Кроме того, швейцарские деревни и русские деревни — это совершенно разные планеты.

Каждое утро на рассвете я практиковал медитацию, с благодарностью обращаясь к местным духам, и заваривал для

них зеленый чай. Они отплатили мне, приведя меня к моей будущей жене.

У моего среднего сына Михаила внезапно заболел зуб — в воскресенье, когда в стране всё, что можно, закрыто. Мы нашли полицейский участок, где нам объяснили, как найти дежурного стоматолога. Это было не просто. Судьба встретила нас в лице дежурного врача — Ирис. Она мечтала о художнике, желательно с детьми. Это была уникальная случайность: Ирис дежурила только один день в год. Мы быстро подали заявление о браке, а через пять лет я и мои сыновья стали настоящими швейцарцами.

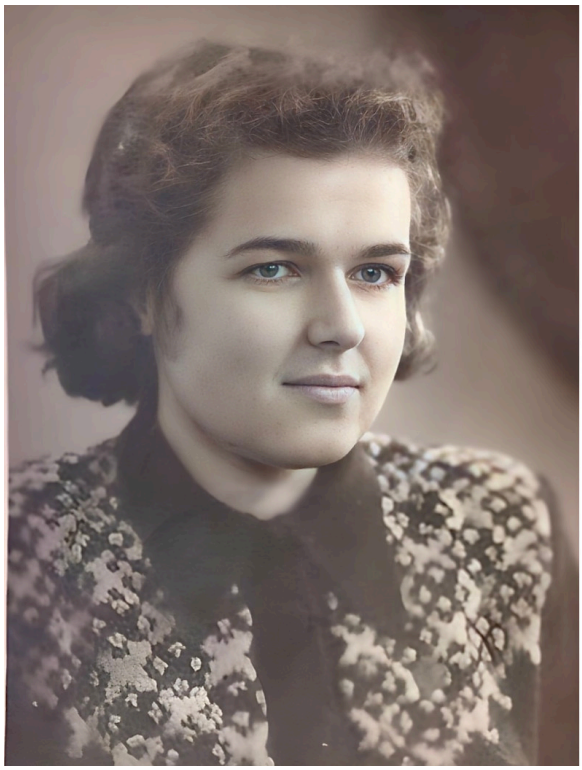
ИРИС И МИХАИЛ, 2.12. 2002

Благодаря ей мы быстро освоили швейцарские традиции, что помогло нам интегрироваться. Её талант управляться с материальными вопросами обеспечил моим детям хорошее образование.

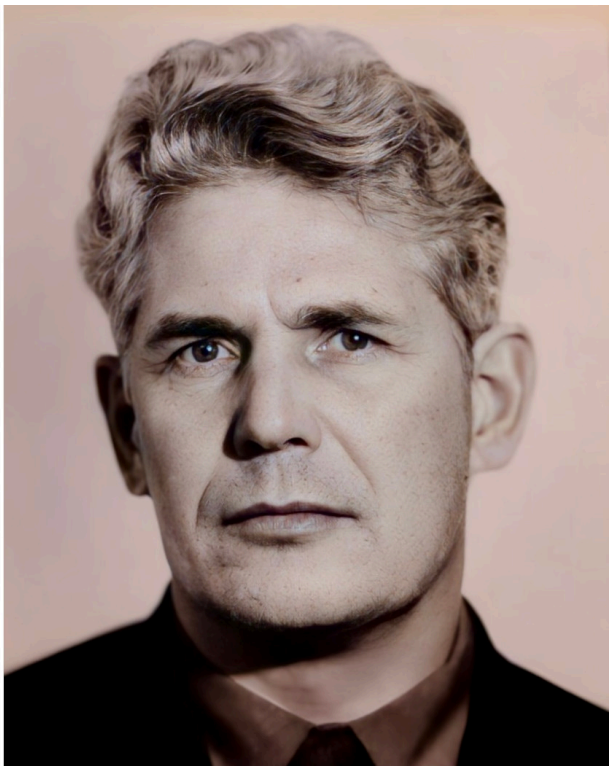
Это сказка со счастливым концом, которая не заканчивается. Как музыка Скрябина, которая не вписывается в поток времени.

“Мгновенья пыл рождает вечность”. — Александр Скрябин

Моё рождение



МАТЬ ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА



ОТЕЦ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Вернемся к началу, которого никогда не было.

Родился я 31 декабря 1954 года в одном из дворов Ленинграда между Литейным проспектом номер 51 (театр Драмы и Комедии) и набережной реки Фонтанка номер 34 (бывшим дворцом графа Шереметева). В отличии от других ленинградских дворов наш двор был очень светлый. Наша квартира на третьем этаже открывала вид на Шереметьевский дворец. За ним виднелся Аничков мост с его знаменитыми статуями «Укрощение коней» скульптора Клодта. До семи лет, то есть до школы, воспитывала меня моя мама. Она, хоть и закончила Кулинарный техникум по

специальности бухгалтер, но работать по специальности не могла по-причине тотального воровства в общественном питании. Поэтому она была рада быть домохозяйкой и воспитывать такое чадо как я. Чадо было избаловано родителями, бабушками и тётями до нельзя, потому что было очень хорошеньким и спокойным. Гулять мы ходили в графский садик напротив нашей парадной или в Летний и Михайловский сады. Так что детство мое было безоблачным и счастливым до похода в школу.

Учительница первая моя была похожа на бойца пролетарской революции, захватывающего Зимний Дворец. Она произвела на меня шоковое впечатление. В первый же день на перемене меня научили ругаться матом, и я обозвал какую-то девчонку, не подозревая, что я ее обозвал. Она, конечно, наябедничала и меня наказали стоянием в углу целый урок.

А по телевизору в это время показывали мультфильм , где главный герой восклицает:

“Я хочу навеки стать человеком”

Это был мой первый вопрос: что значит быть человеком и кто я такой?

Позже, уже во втором классе, мы на одном из уроков, по её понятиям, слишком шумели, и она наказала весь класс стоянием по стойке смирно и вышла из класса. Через минуту я тоже вышел и пошел домой. Она не поленилась вечером прийти к нам домой и наорать на моих родителей и меня. К счастью, родители меня поняли и не ругали.

МАМА ПЕРЕД ДОМОМ. В КОТОРОМ ОНА РОДИЛАСЬ. 2015

Учился я очень легко, любил математику и физику, в гуманитарных предметах чувствовал огромное количество фальши, но старался по-минимуму отвечать тому, что требовали от меня. Позже, после школы, я задал себе вопрос: чему же я научился в школе? Ответ был прост, как правда Ленина, — врать.

Мне 5 лет

Мне 14 лет

Коммуналка

Жили мы тогда в коммунальной квартире, которая, по рассказам дедушки и бабушки, принадлежала их семье до второй мировой войны и еще не была коммунальной.
Для Советского Союза война официально началась 22 июня 1941 года. 8 сентября того же года немецкая армия установила блокаду Ленинграда. Моего деда отправили на фронт. Бабушка вместе с тремя детьми, включая девятилетнюю мою маму, была эвакуирована в Уфу — столицу Башкирской АССР. Блокада, длившаяся 872 дня, закончилась 27 января 1944 года. Бабушка вернулась с детьми в Ленинград. Однако их довоенная квартира была занята людьми с сомнительной репутацией, и семье оставили только одну комнату.
Мой дед вернулся позже. Всю войну он служил простым матросом на корабле и, к счастью, вернулся невредимым. Он рассказывал, что до войны квартира была наполнена дорогими вещами и картинами, принадлежавшими не только их семье, но и их родственнице — графине Варваре Мятлевой, урожденной Шереметевой. Об этом нельзя было говорить. Все ценности, включая большую медную ванну, стоявшую на кухне, были украдены.

После свадьбы моих родителей и переезда бабушки и деда из коммуналки в отдельную квартиру в городе Пушкине, мы до моих 16 лет жили в этой комнате. В квартире было пять других комнат, кухня, два туалета и холодная вода в двух кухонных раковинах. Всего в квартире жило 13 человек.

БАБУШКА ВЕРА С БРАТОМ

МАМА

Меня это нисколько не беспокоило. Я охотнее играл с друзьями на улице в лапту и «казаки-разбойники». Мы без страха бегали по крышам между Литейным проспектом, улицей Белинского и набережной реки Фонтанки. Сейчас вспоминать об этом страшно. Зимой, конечно, играли в хоккей.

Соседи в коммуналке были очень разными. Наша ближайшая соседка — пожилая женщина, которую в квартире недолюбливали. Она не следила за собой, спала на сундуке, а её комнату заполонили клопы, которые иногда переползали к нам. Отец регулярно боролся с ними, обрабатывая комнату

хлорофосом. Эта женщина была сестрой известного актера Сергея Мартинсона, которого я любил за его роли в сказках.

Другой сосед был “весёлым” человеком, работал электриком. Я никогда не видел его трезвым. Однажды, придя домой с работы и обнаружив, что в комнате нет света, он вывернул сгоревшую пробку и вставил на её место ключи от входной двери — голыми руками! Это произвело на меня глубокое впечатление, ведь я помнил, как в детстве сунул ножницы в розетку и получил удар током. Такие вещи не забываются.

В нашей части общего коридора отец установил верстак, за которым любил работать. Его называли мастером на все руки, человеком с золотыми руками. Соседи часто обращались к нему с просьбами починить сломанные вещи. Я любил наблюдать за его работой, и он многому меня научил. Вместе мы мастерили кораблики и небольшие планеры. Позже нам удалось собрать электрогитару с собственным усилителем и светомузыкой.

Отец имел возможность приносить с работы инструменты, радиодетали и другие материалы. Он работал механиком в секретной лаборатории. Мне казалось, что он и его коллеги занимались там не столько оборонной промышленностью, сколько изготовлением полезных вещей для своих семей. Они делали холодильники, телевизоры, магнитофоны и приносили их домой.

Последнее поколение дворов

Наше поколение стало последним, кто вырос во дворах. Дворы были характерной чертой нашего города. Мы жили на Литейном проспекте до окончания восьмилетней школы. Постепенно многие семьи стали приобретать кооперативные квартиры и переезжать в новые районы. Это было непросто, но судьба улыбнулась нам.

В 16 лет я получил паспорт гражданина СССР и право голосовать на выборах. Первым кандидатом, которому я отдал голос, стал известный актёр Кирилл Лавров. Он работал в театре нашего двора и играл множество ролей в кино. Его исполнение роли Ленина на сцене и в фильмах, как ни странно, делало его подходящим для этой должности. Отец знал его лично и считал порядочным человеком. Мы всей семьей торжественно проголосовали за него. После избрания он помог нам получить новую квартиру.

Мы переехали в район Большой Охты, в просторную трехкомнатную квартиру с прекрасным видом на Смольный собор и реку Неву. Смольный собор, построенный итальянским архитектором Бартоломео Растрелли, обладал удивительным свойством: он «дышал» и менял свой облик в зависимости от погоды и времени года. Я был влюблен в этот собор и часто пытался запечатлеть его характер на холсте. К сожалению, безуспешно — мне не хватало таланта.

Переходный возраст

Царство божие. Что это? Как его найти и где? У бабушки была Библия на старославянском языке и стал я её читать. Очень непростое занятие для молодого человека переходного возраста в эпоху начала рок-н-ролла и твиста. Ленинград всегда был европейски - настроенным городом. Да и построен он был европейскими людьми. Энергия новой рок-культуры была так велика, что она легко проходила через стены “железного занавеса” и воспринималась как музыка небес. При этом было полное пренебрежение ко всей советской эстраде.

Я воспринимал Битлз как духовную музыку. Слов песен я почти не понимал, но ритм, ритм нёс информацию другого уровня, — за пределами рационального мышления. Их песни, как и песни других британских и американских групп, шли прямо от сердца к сердцу. А мне так не хватало искренности и честности посреди “строителей светлого будущего”.

Социальный мир вокруг был вселенским враньем, а так хотелось жить с открытым сердцем.

Год 1969. ”Here Comes the Sun”, песня Джорджа Харрисона в исполнении Beatles.

Они переходили дорогу на Abbey Road в Лондоне, и лучи света от их солнца доходили до нас.

Солнце не отбрасывает тени. Оно не знает, что это такое.

Энергия свободы витала в воздухе, как на фестивале Woodstock в штате Нью-Йорк. Мы этим жили, не все, конечно.

В 14 лет нужно было вступать в комсомол, чтобы иметь доступ к высшему образованию. При вступлении в эту насквозь пропитанную ложью организацию я должен был поклясться, что никогда не буду верить в Бога и останусь верным строителем коммунизма. Конечно, я поклялся. Взгляните сегодня на лица в аппарате власти Российской Федерации. Они тоже клялись тогда. Теперь ложью уже никого не удивишь.

Во всех кружках, которые я посещал в Дворце пионеров, меня почему-то тоже выбирали руководителем, то есть старостой. Я честно исполнял эти обязанности, хотя никогда не стремился быть лидером. При поступлении в новую школу, я отказался от всех общественных обязанностей и посвятил всё время физике, математике и поиску смысла в обстановке полного бессмыслия. В то время одна из подруг моей матери принесла статью из газеты про йогов. Эта редкая для СССР информация вызвала у меня интерес узнать больше. Но прошло еще несколько лет, прежде чем я смог продолжить этот путь.

Новая школа

Я поступил в новую школу — физико-математическую с уклоном на радиоэлектронику, единственную в своем роде. Я любил электронику. За три года до этого посещал кружок электроники во Дворце пионеров. Но новая школа нравилась

мне не больше старой. Поэтому я часто прогуливал, особенно в хорошую погоду. Утром мы с друзьями собирались у Казанского собора рядом со школой и решали, куда отправиться в поисках приключений. Обычно проводили время, катаясь на лодках в Центральном парке культуры и отдыха на Крестовском острове. Иногда за это нас ругали, но нас это мало волновало.

Самым неприятным предметом в школе было военное дело. Перед занятием преподаватель, отставной офицер, выстраивал нас в линию и осматривал наши затылки. Если кому-то, по его мнению, требовалась стрижка, он отправлял этого ученика в парикмахерскую. Это был отличный повод пропустить урок, особенно в эпоху популярности причёсок «под Битлз».

Из гуманитарных предметов в памяти навсегда осталось одно цитируемое место из романа Николая Островского «Как закалялась сталь»:

"Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить её нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы."

Последние два школьных года пролетели без особых воспоминаний, кроме хороших знаний по математике и физике. Всё остальное было коммунистической пропагандой и невозможностью критического мышления. Система была настроена исключительно на заучивание того, что написано в учебниках. Анализ разрешался только в рамках советской

идеологии. В те времена был лозунг: «Советское — значит отличное». Сегодня бы сказали: “полный отстой”.

Бабушка Александра Григорьевна

До войны она жила со своим мужем Василием, сыновьями Игорем и Николаем, а также дочерью Валентиной в деревне в Новгородской области. Муж и старший сын Игорь ушли на фронт в первый же день войны — 22 июня 1941 года. Уже через неделю она получила известие об их гибели. Выжившие рассказывали, что их отправили в атаку без оружия — обычная тактика советской армии. У неё осталась дочь Валентина, студентка второго курса медицинского института, которая на тот момент уже жила в Ленинграде, и мой отец Николай, которому тогда было тринадцать лет.

Сразу после начала войны мою бабушку с отцом эвакуировали в Сибирь. Там она работала на заводе, а мой отец трудился в золотом прииске. Валентина должна была остаться в Ленинграде с её медицинскими знаниями на протяжении всей блокады. Несмотря на свою молодость, она работала медсестрой и пережила невыразимые ужасы. Многие её коллеги в этой ситуации “подсели” на героин, который был почти без контроля. Она рассказывала, как люди в своей нужде ловили крыс и готовили их на обед. Каннибализм тоже был широко распространён — ещё одно жестокое явление, о котором она могла рассказывать только сквозь слёзы. Тем не менее, она пережила это ужасное время как физически, так и морально.

Моя бабушка Александра Григорьевна была женщиной поразительной силы воли. Несмотря на все испытания, которые выпали на её долю, она прожила 99 лет и до последнего сохранила ясность ума. Она стала моим первым учителем, направившим меня к размышлениям о смысле жизни.

Меня назвали в её честь. До и после войны она жила в деревянном доме с настоящей русской печью в Новгородской области. До революции её семья вела зажиточную жизнь и была связана родством с князьями Васильчиковыми. Но с приходом большевиков у них забрали почти всё, кроме яблоневых и вишнёвых садов и ульев. Меня привезли к ним впервые когда мне было шесть лет. Бабушка была местным лекарем, и её шаманские обряды я видел воочию, когда она лечила заговорами и травами, настоянными на медовухе её же производства. На меня неизгладимое впечатление произвела сцена лечения от змеиного укуса. Соседского мальчишку змея укусила за большой палец руки. Палец увеличился в размере и посинел. Он пришел к моей бабушке и она около 20 минут нашёптывала что-то этому пальцу, и палец на моих глазах стал нормальным.

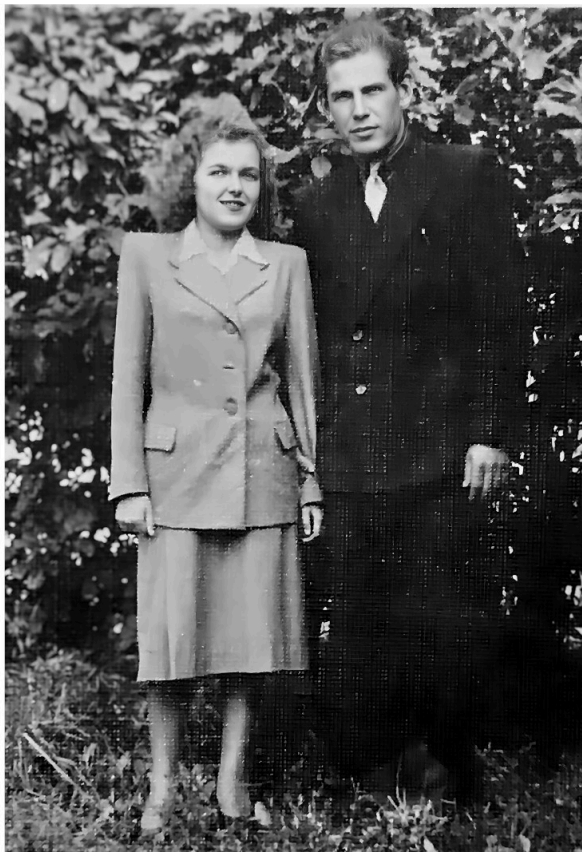
Другой пример из жизни соседей был следующий: сосед, напившись с товарищами, начал палить из ружья по сорокам. Одна из них упала на землю и громко плакала. Я возненавидел этого и других мужских особей деревни, и поклялся самому себе никогда не взрослеть. По-моему, я сдержал это слово.

Когда приехали за мной мои родители, то устроили большое застолье в саду с питиём медовухи. Это подтвердило слова летописца Нестора XII века “на Руси есть веселье пить”.
Был на этом веселии местный поп, который решил во чтобы то ни стало крестить меня и мою маму, которая никогда в церкви не была. Принесли тазик с водой, и совершенно опьяневший поп начал водить хоровод вокруг него. При этом он пел: “с вином мы родились, с вином и умрём”. Так я стал православным христианином.
На празднике была моя крестная тётя Валя, которая работала врачом в Урицкой больнице Ленинграда. У неё дома была богатая библиотека классической литературы. Когда я приходил к ней в гости, то любил открывать книги на случайной странице. Если отрывок оказывался интересным, я задавал вопросы её мужу, дяде Мише. Он любил философствовать о высоких материях. Однажды я открыл книгу Льва Толстого и увидел:

“Ищите Царство Божие и правды Его, а всё остальное приложится вам”.

Это был конец романа “Воскресение”. С этого момента для меня началось моё путешествие к Царствию Божию.

ТЁТЯ ВАЛЯ



РОДИТЕЛИ. 1955

Детское Село — город Пушкин

В этом городе жили мои дедушка и бабушка по материнской линии. Они жили вместе с сыном Володей и дочкой Аллой. Володя был старше меня на четыре года, а Алла — на шесть. В их квартире, сколько я себя помню, всегда жили кот и собака.

Многие выходные в мои школьные годы я проводил у них, гуляя по всем трём паркам Пушкина: Екатерининскому, Александровскому и Баболовскому. Летом там работали аттракционы, можно было купаться в Большом пруду и забираться на Чесменскую колонну, чтобы нырнуть с неё. Зимой мы катались на финских санях и лыжах. В Екатерининском парке для этого были отличные условия: неболь-

шие горки для катания на санях и лыжах, а также утрамбованные дорожки — для финских саней. Иногда мы ходили на каток, который находился прямо у стен Екатерининского дворца.

Оглядываясь назад, я понимаю, что всё моё детство прошло в окружении дворцов и царских парков. Тогда это казалось обыденным. Я начал замечать эту уникальность только в Швейцарии, где горы заменили мне и парки, и дворцы.

Однажды, когда мне было 14 лет, а моему дяде и другу Володе уже 18, в кинотеатрах начали показывать англо-итальянский фильм "Ромео и Джульетта". Фильм был запрещён для детей до 16 лет, но мне очень хотелось его посмотреть. Мы купили билеты, и я, проходя мимо контролёра, старался шаркать ногами, чтобы казаться старше. Контролёр пропустила меня, но я услышал, как она сказала своей коллеге: "Надо же, такой молодой, а уже так ногами шаркает".

Наша дружба с Володей закончилась трагически. Он внезапно умер от опухоли мозга, которая почти никак не проявлялась, за исключением редких мигреней.

Я помню тот вечер, когда возвращался из института домой. Ноги буквально отказывались идти. Я чувствовал, что дома случилось что-то страшное, но не понимал, что именно. Когда я вошёл в квартиру, мама тихо сказала: "Володя умер".Это был чудовищный шок. Я даже не мог плакать — всё казалось таким нереальным. Это была первая смерть, с которой я столкнулся, и она забрала моего самого близкого друга.

МОЙ ДЯДЯ И ДРУГ ВЛАДИМИР

БАБУШКА ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА

ДЕДУШКА ИВАН МАКСИМОВИЧ

БАБУШКА ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА

ДЕДУШКА ИВАН МАКСИМОВИЧ

ЛЭТИ им. Ульянова (Ленина)

После окончания десятилетней школы я хотел поступить на дневное отделение в Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова (Ленина). Однако мне не хватило одного балла, и меня приняли только на вечерние отделение по специальности “автоматика и телемеханика”. Все студенты вечернего отделения должны были где-нибудь работать.

Советская Армия нависла надо мной злой тучей. С 18 лет все мужское население должно было отбывать воинскую повинность, кроме студентов дневных отделений. Помощь пришла от моего отца, который нашёл для меня работу электромонтажника в Центральном конструкторском бюро машиностроения. Бюро это было очень секретным и из него в армию не брали. Чем оно занималось и какие секреты хранило я до сих пор не знаю. Моя работа включала в себя

установку и обслуживание телефонных и охранных систем. Заполнился один случай: я телефонизировал офисы в новом здании, которое и сейчас красуется на Красногвардейской площади. Когда я устанавливал телефон в одной из комнат, вошла девушка, и я почувствовал ее спиной, оглянулся и увидел… смеющегося Эрота за ее спиной. Почему-то в голове крутилась песня: “She came in through the bathroom window”. При чем тут это? Позже выяснилось, что она тоже любила Beatles. Ее образ преследовал все мои мысли и, в конце рабочего дна, я позвонил ей по местному телефону и назвал ее имя, хотя имени ее я не знал. После этого мы встречались пару лет, но моя настольная книга того времени была Amores Публий Овидия Назона. Эрот надо мной смеялся и дальше.

Через два года мне удалось перевестись на дневное отделение в институте. Я стал студентом со стипендией в 40 рублей в месяц. Год спустя устроился в институте лаборантом, что добавило ещё 40 рублей. Тогда пластинки *The Beatles*, *Led Zeppelin* и других групп стоили 30–50 рублей. На остальное денег почти не оставалось.

Учёба мне не была интересна. Я осваивал только минимум, необходимый для получения диплома, который избавлял меня от службы в армии. Военная подготовка в институте была направлена на обучение офицеров для подводных лодок. Мы вели записи в секретных тетрадях, которые запрещалось выносить из института. По окончании пяти лет все сдавали государственный экзамен и нам присваивали звание “офицер запаса”. На лекции я ходил очень плохо. Тетрадь моя была почти пустая, и когда пришло время для экзамена из ста

десяти билетов я знал только один. Я вытащил именно его! Ответил на все три вопроса билета, получил “отлично” и звание офицера запаса.

Подводную лодку я видел только на картинке и в фильме «Yellow Submarine». Как она устроена изнутри, мне неизвестно до сих пор.

“Ищите царство божие, остальное приложится вам”, — по другому я не могу объяснить этот случай. И самое поразительное, что он повторился с экзаменом по научному коммунизму. На лекции этого предмета я не ходил вообще и лектора никогда видел. Посетил только один раз семинар, который вел молодой человек по фамилии Крамник, пришедший с фингалом под глазом. Он попросил у нас три рубля и ушёл. Больше я его тоже не видел и странно что его фамилию помню до сих пор, а больше ничью из преподавателей.
На экзамен я взял книгу по коммунизму и все три ответа просто нагло списал из книги, держа её на коленях. Дополнительных вопросов никто не задавал. Тоже получил “отлично”. Одно было понятно, что про такие случаи говорить никому нельзя, но сейчас вот пишу.

И читал я в это время Новый завет и вопросов появлялось все больше и больше.

На четвертом курсе стал задумываться о своем профессиональном будущем. Быть инженером в СССР — это значит всю жизнь быть нищим. Зарплата молодого специалиста была

120 рублей в месяц, а перспектива карьерного роста могла быть только при поступлении в КПСС. От одной этой мысли начинало тошнить.

"Царство Божие внутри вас есть" (Луки 17:21), - говорил тот, кого за это распяли. Я искал выход из сложившейся ситуации и рассуждал так: можно найти в своем сознание нечто, что может дать понимание как правильно поступать именно в нашем измерении и средство для этого Иисус дал одно: *"Не судите, и не будете судимы".* Я понял: надо просто наблюдать то, что на ум приходит и не впадать в рациональное мышление, которое предназначено только для планирования.
Как известно из квантовой физики, наблюдатель играет активную роль и влияет на реальность. Акт наблюдения открывает разум и позволяет увидеть новые перспективы. Тогда я осознал: я стану независимым художником.
Недалеко от нашего института находился Дворец культуры Ленсовета, где велась художественная студия под руководством Льва Овчинникова. Как я позже узнал, его взгляды на искусство сильно отличались от официальной линии, что мне очень нравилось. Я стал его учеником. Чтобы научиться хорошо рисовать, помимо живописи, он посоветовал мне посещать вечернюю школу рисунка при Академии художеств. Я последовал его совету и был очень вдохновлён этим обучением.

Днём я много рисовал и писал картины, как в помещении, так и на улице, даже в плохую погоду, практически забросив учёбу в институте. Я появлялся там только для сдачи экзаменов и пересдач. Мне было крайне стыдно за своё

невежество — я даже не знал названий некоторых предметов. Но время было такое, что зарплата преподавателей зависела от успехов студентов, поэтому экзамен не сдать было почти невозможно.

Мой друг Андрей, например, служивший до этого в армии и не беспокоившийся о призыве, отказался писать дипломную работу. Преподаватели уговаривали его просто прийти на защиту работы, которую они сами за него написали. Они даже звонили мне, чтобы я его убедил. Кто сегодня в это поверит? Кто поймёт?

“А вокруг мертвые с косами стоят и … тишина”, — фраза из советского фильма тех времен.

Почтовый ящик

После получения диплома инженера я был обязан отработать два года по распределению. Меня направили в ленинградский научно-исследовательский институт, занимающийся разработкой радиотехнических и радарных систем. Его официальное название — «почтовый ящик» с номером, который я уже не помню. Это означало, что институт занимался секретными исследованиями и оборонными проектами.

Институт находился в красивом месте, на площади Растрелли, напротив Смольного собора. Рядом располагалось здание Политпросвета, служившее для дальнейшей промывки мозгов большевистским кадрам, построенное в тяжёлом сталинском

стиле. Но буфет там был замечательный и многие работники ходили туда перекусить и за кофем поболтать.

В свой первый рабочий день я сразу понял, что ни за что не стану работать инженером. В институте была вакансия художника-оформителя, и я захотел занять её на два обязательных года работы, а потом уйти.

Каждый «почтовый ящик» имел так называемый «первый отдел», связанный с КГБ. Там меня пытались уговорить взять инженерную должность, но безуспешно. Следующим шагом было Министерство образования в Москве, которое должно было утвердить или отклонить моё назначение.

С радостью я отправился в столицу. Эта поездка дала мне возможность посетить Музей изобразительных искусств имени Пушкина и Третьяковскую галерею, которые я очень любил. Мне повезло: в музее проходила масштабная выставка работ Эль Греко. До сих пор он остаётся одним из моих любимых художников.

Мой визит в Министерство был чистой формальностью. По телефону сотрудница связалась с «почтовым ящиком» в Ленинграде и одобрила моё назначение без лишних вопросов и даже без встречи со мной.

После возвращения я получил должность художника-оформителя, которая не была связана с обязательной продолжительностью работы. Я мог уйти в любой момент. Однако я проработал там ещё год и организовал персональную выставку в актовом зале института перед своим уходом.

Что такое свободное плавание в стране развитого социализма? Это статья из уголовного кодекса за тунеядство. Советский человек должен иметь официальное трудоустройство, даже поэты и художники.

“О, берегитесь, убегайте от жизни легкой пустоты. И прах земной не принимайте за апельсинные цветы” — писала Зинаида Гиппиус.

Найти работу было возможно, но иногда сложно. Чаще всего это были небольшие заказы, такие как оформление библиотек, поликлиник, офисов, вывесок в магазинах или даже на грузовиках. Однажды я работал в реставрационных мастерских, которые выдавали удостоверение, по которому я имел право посещать бесплатно все музеи Советского Союза. Это было ценное удостоверение , которое я использовал по полной программе. Было время, когда зарабатывал на жизнь созданием гороскопов. Несколько слов об этом: на кафедре Ленинградского политехнического института существовала лаборатория, где Сергей Шестопалов занимался научными исследованиями астрологии по методике Сергея Вронского. Вронский раньше работал астрологом для военной разведки в Германии, а во время Второй мировой войны оказался в советском плену и согласился работать на Советский Союз. Я посещал курсы у его ученика Шестопалова и помогал ему составлять астрологические гороскопы. Мы брали 25 рублей за гороскоп и ещё 25 рублей за личную консультацию. Однажды я случайно перепутал гороскопы двух женщин и рассказал одной о жизни другой — и наоборот. Обе были довольны. Это был ценный урок для меня. После этого случая

я перестал составлять гороскопы, нарисовал открытки со знаками зодиака для Сергея и распрощался с ним. О своей ошибке я ему так и не рассказал.

Мы выдумываем звезды, и звезды выдумывают нас.

Время, которое я не проводил на работе, проводил в Публичной библиотеке, основанной Екатериной Великой. Меня интересовала прежде всего древнегреческая литература, как начало нашей европейской культуры — от Гесиода и Гомера до Плутарха. Однако на вопрос, кто я и что я здесь делаю, ответа не нашёл. Поэтому обратился к Востоку.
А за окном в Екатерининском садике вороны делали сложнейшие пируэты. Казалось, они танцевали в воздухе и их не волновал хлеб насущный и мои глупые вопросы. С высоты своего полёта они смотрели на нелепое шевеление идущих по Невскому проспекту людей.

“Людей много, а человека найти трудно”, — думали они словно были Диогеном из Синопа.

Леннаучфильм

Следующей станцией в моей профессиональной карьере стало постоянное место работы в Ленинградской студии научно-популярных фильмов “Леннаучфильм”, где я проработал три года как мультипликатор. Студия располагались в здании, которое раньше было тюрьмой — идеальное место для творческой работы. Сначала я смог пройти в

Москве во Всероссийском государственном институте кинематографии (ВГИК) курсы повышения квалификации по специализации в анимации. Этот период был невероятно увлекательным, потому что мы работали с известнейшими создателями советских мультфильмов.

В студии Леннаучфильм моё рабочее место было в комнате с двумя женщинами. Одна из них была увлечена йогой Шри Ауробиндо, и мы быстро нашли общие интересы. Однажды я пригласил её вместе с мужем и дочерью к себе домой. Спонтанно возникла идея провести спиритический сеанс. Тарелка, которую мы поставили в центр круга букв, казалось «дышала» и быстро двигалась от одной буквы к другой. Честно говоря, мы не были к этому готовы и немного растерялись. Потому задавали довольно глупые вопросы. Это был интересный опыт, но странным образом после этого никто больше не захотел повторить его.

В это время в советских предприятиях была традиция отправлять молодых сотрудников летом работать в совхоз, чтобы помочь в сельском хозяйстве. Мне тоже предложили это, но у меня были другие планы на лето — и я уволился.

Звучали слова ангела из стихотворения Гумилева:

“Он мне шепчет: своевольный, что ты так уныл? Иль о жизни прежней, вольной тайно загрустил?”

Музей А. Ахматова. Серебряный век

Серебряный век — это эпоха в России с конца XIX века до начала сталинизма. Характеризуется культурным и интеллектуальным подъемом, особенно в литературе, музыке и философии. Анна Ахматова (1898–1966) является одной из выдающихся представительниц поэзии того времени. С началом советской эпохи её произведения были запрещены.
Один мой друг пригласил меня посетить полулегальный музей поэтессы Анны Ахматовой, который был создан по инициативе преподавательницы литературы Валентины Андреевны Биличенко в здании профессионально-технического училища № 61. Этот музей был откровением. Казалось, что каждое помещение раскрывает неиссякаемый источник, который порождал следующий. Душа великой поэтессы, ощутимая в её стихах, находила здесь новое воплощение бережно воссозданное руками и сердцем Валентины Андреевны. Было восхитительно видеть, как забытая поэзия Ахматовой оживает в этих стенах и становится частью культурного наследия. В то время, когда её творчество было практически запрещено, музей стал сокровищницей памяти. Он излучал свет её таланта и личности.

“Жить — так на воле, умирать — так дома.”— процитировала Ахматову Валентина Андреевна.

Анна Ахматова с 1926 года по 1952 год жила в южном флигеле дворца Шереметьева на Фонтанке 34, а моя мама

родилась в западном флигеле в 1932 году. Может быть, поэтому её поэзия легла в моё сердце, как песня.

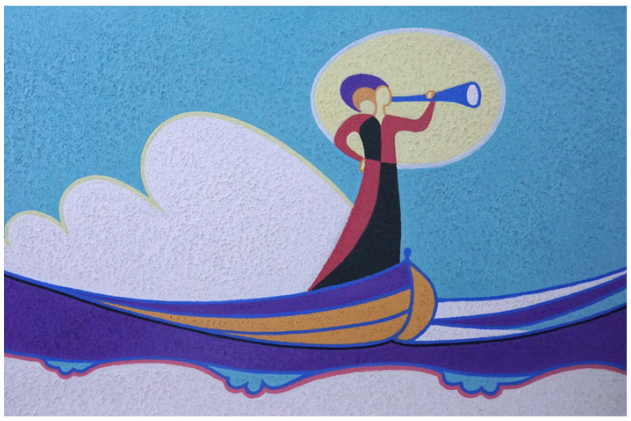
В музее я работал дизайнером с Валентиной Андреевной Биличенко. Это было настоящим удовольствием. Казалось, она была сестрой поэтессы, пришедшая к нам прямо из Серебряного века, чтобы передать его мистицизм, эстетику и духовную глубину. Я тоже идентифицировал себя с Серебряным веком, с его поисками смысла жизни и духовной ориентацией. Однако, как и всё хорошее, и это должно было закончиться. Директор профессионально-технического училища пришёл и сказал, что я здесь лишний.

Но в сердце светит то, что не уйдёт.

Музей дважды менял место, и каждый раз я возвращался для временных дизайнерских работ. Для окончательной обстановки музея Валентина Андреевна Биличенко купила две мои картины: "Зов" и "Огненный Санкт-Петербург". Обе они были вдохновлены Серебряным веком. На прощание Валентина Андреевна процитировала мне строчки из “Поэмы без героя” Ахматовой:

“Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит”.

Я слышу их до сих пор и удивляюсь как они передают медитативное состояние Ати-йоги. Место действия поэмы — Фонтанный дом, набережная реки Фонтанки 34.



ЗОВ

ОГНЕННЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Восточное направление

Вернемся к воронам, которые продолжали совершать головокружительные пируэты над головой памятника Екатерине Великой, который был виден из окна Публичной библиотеки. Я смотрел на них и думал: почему они живут в гармонии с природой, даже посреди городской суеты, а я — нет? Почему я не могу найти гармонии ни с природой, ни с людьми?

Зачем я родился здесь? Неужели для того, чтобы ходить по расписанию на работу, зарабатывая на еду, одежду и квартиру? Но ведь это все есть у любой вороны.

Так зачем? Зачем мне дали ум, который только задает вопросы, но не в состоянии найти ответы?

Классическая западная литература тоже не предлагала ответов — лишь помогала красиво формулировать эти вопросы. Шанс найти ответы появился, когда один мой друг познакомил меня с идеями Гурджиева, в частности с его «четвертым путём». От него я узнал, что мы все, в некотором

роде, машины. Что ж, согласен. Но давайте попробуем «размашиниваться».

В этот момент вспомнились строки Федора Тютчева:

«Земная жизнь кругом объята сном…»

Для того чтобы пробудиться, нужны были методы. Я прочитал *Бхагават — Гиту* и беседы Рамакришны, а потом снова отправился в Публичную библиотеку изучать индийскую, китайскую и японскую философии. Эти книги можно было читать только в специальной комнате, которая называлась «спецхран». Позже сотрудница этого отделения рассказала мне, что за мой интерес к таким книгам меня поставили на учет в КГБ. В КГБ? За что?

“Будда — это то, что ты не понимаешь, когда задаешь такие вопросы”, — ответил чаньский монах.
“Будда — это дыра в отхожем месте”, — сказал другой монах.

Ситуация прояснялась: “копать” надо за пределами рационального мышления.

В Ленинграде в это время было только три группы “йогов”: Юрий Зорин читал лекции по интегральной йоге Шри Ауробиндо, Анатолий Иванов вёл занятия по классической йоге Патанджале и Алексей Иовлев преподавал хатху-йогу. В группе у Алексея был переводчик книг Кришнамурти и Раджниша (Ошо). Мы имели возможность читать все их книги, отпечатанные на машинке и обсуждать их с практической точки зрения. Встречи происходили в

спортивном зале школы на улице Тухачевского два раза в неделю и закончились они неожиданно. Пришли в зал трое мужчин в “классических” кожаных чёрных куртках, сели на скамейку, дождались когда мы закончим занятия и, не представившись, стали нас переписывать, ничего не объясняя. Потом эаставили каждого из нас расписаться, что я, такой-то, обязуюсь больше не заниматься йогой.

Через несколько дней в ленинградской газете “Смена” вышло три статьи под названием “Невские йоги. Кто они?” В них не было ни одного слова правды, только абстрактная критика каких-то умалишенных, живущих в разрез с идеалами советского общества.

Название статьи они скопировали от документального фильма из 70-х годов “Индийские йоги. Кто они?” и исказили его. Фильм, кстати показывали по официальному телевидению. Почти в то же время в кинотеатре “Знание” показывали документальный фильм швейцарского писателя Эрика Дэнникера “ Воспоминание о будущем”. Билеты на этот фильм раскупили моментально.

В воздухе Ленинграда запахло мистической пропагандой.

Какая жажда была найти правду в этом океане лжи, а все выходило по-достоевскому: “правда оказывалась сапогом” (из романа “Бесы”).

Но Ошо уже присутствовал в моей голове:

"Будь свидетелем. Пусть мысли проходят, как облака по небу. Ты небо. Они приходят и уходят. А ты остаешься”.

Эрот тоже остается, обладая всегда удивительным чувством юмора.

Однажды я гулял с подругой вдоль Приморского проспекта. Как и я, она любила поэзию и сказки, интересовалась буддийской философией. Она показала мне буддийский храм, о котором я ничего не знал. Она знала только, что он был построен в начале 20 века. Когда мы пришли туда, дверь храма была закрыта. Мы позвонили в звонок у входа, и нам открыла женщина в белом халате. На наш вопрос, можно ли войти, она ответила, что доступ запрещён. Внутри располагалась лаборатория зоологического института, в которой проводились эксперименты на крысах. Изнутри доносился отвратительный запах, который подтвердил её слова. Мы с подругой были шокированы циничным использованием этого святого места. Тогда мы ещё мало знали о истории нашей страны. Мы не догадывались, что с приходом власти Советов все буддийские монахи, которым не удалось убежать, были расстреляны.

Тогда же мы не были знакомы с поэзией Дмитрия Мережковского:

"Мы поглотим, как небо, свет,
Мы закопаем культуру в могилу," — из стихотворения "Запрещенные книги".

Позже, в начале перестройки, несколько тибетских монахов приехали в Государственный Эрмитаж и создали там мандалу из песка, посвящённую Авалокитешваре — воплощению сострадания. По завершении работы песок мандалы был

высыпан в воды реки Невы, чтобы гармония распространилась по всему миру.

Это событие произвело на меня неизгладимое впечатление. Я, привыкший ценить свой труд и дорожить созданными картинами, не мог представить себе добровольное разрушение столь кропотливого творения.

Идея преходящего характера всего сущего пустила во мне глубокие корни. Осознав это, жить стало легче и веселее.

Абхазия и Старая Русса

“Что есть истина?” — спрашивал Пилат у Христа на картине Николая Ге в Третьяковской галерее. Я поехал выяснять это самостоятельно по приглашению своего приятеля на его пасеку в село Члоу, недалеко от Черного моря. Хотел сесть в горах в позу лотоса и ждать когда чудо истины войдет в мою верхнюю чакру по методу Йогонанды или Ауробиндо, как повезет.
Не получилось. Как сказал Мацуо Басё:

"Идешь и идешь — и вдруг ты не путник, а утренний туман”.

Пришлось возвращаться в Ленинград, в хронический туман.

По возвращении нужно было зарабатывать деньги и, один мой товарищ пригласил меня поехать в Старую Руссу на оформление Универмага. Жили мы в гостях у знакомого монаха Псково-печерского монастыря по имени Женя. Женя

любил выпить водки и свою любовницу, которая работала заведующей складом продуктов питания. Поэтому еда у нас была всегда. Еще Женя любил драться и поэтому ходил в секцию карате. В общем было весело.

Остров Валаам

Когда родился первый ребенок, мы втроем поплыли на остров Валаам в Ладожском озере. Я устроился на работу смотрителем Желтого скита, где располагался Музей икон, и для жилья нам выделили одну комнату в Красном ските. Туристы приплывали каждый день и ходили по острову группами. Моя обязанность была открывать Музей, когда шли группы туристов. В остальное время я писал этюды этого красивейшего острова и продавал их туристам на пристани.
Когда туристический сезон закончился мы вернулись домой и решили зиму провести в поселке “Солнечный” на Карельском перешейке недалеко от Финского залива. До 1940 года этот поселок был частью Финляндии и назывался Тюрисевя (Tyrisevä). Мы арендовали небольшой домик и познакомились с соседкой, которая там жила с двумя детьми. Соседка оказалась занимательной персоной, она обладала талантом психографа, то есть записывала периодически текст, не осознавая его содержания, как если бы текст возникал без ее сознательного участия. Тексты эти были направленны в основном на деблокировку эмоциональных паттернов. Она их называла “установками”. Потом получала информацию как снимать эти “установки”. Кто давал ей такую информацию?

Она называла его Бахусом, хотя вина никогда не пила ни с ним, ни с нами. Звали ее Валентина Накорякова и уверена она была, что обладает ментальными структурами Иисуса Христа. (Понятия не имею что это.)

В то время мы все зачитывались книгами Карлоса Кастанеды и Валентина с помощью своего автоматического письма комментировала некоторые моменты. Вокруг нас постепенно организовалась группа из нескольких семей с маленькими детьми.
Когда зима закончилась, мы все вместе поехали провести лето на острове Валаам.

Небольшой экскурс в историю Валаамского архипелага. До советской власти там был мужской монастырь. Большевики пришли туда в 1920 году и репрессировали всех монахов, организовав “санаторий” для “калек войны”.
Начиная с 1960 года, с приходом к власти Хрущева, оттепель началась и на Валааме. Был организован Музей природы и истории Валаамского архипелага и появились организованные туристические группы.

Год 1992, моему сыну Артемию три года, мы опять на Валааме, рисуем, делаем свистульки и колокольчики из глины, и продаем наш труд туристам. Однажды я пошел на этюды от Красного скита в южную сторону, туда, куда туристы не ходят и хотел написать этюд с видом на стоящий в гавани корабль и Предтеченский остров. Когда открыл этюдник, понял, что забыл растворитель. Я оставил открытый

этюдник на берегу и побежал за растворителем. Заняло это минут двадцать. Возвращаюсь, а этюдника нет. Было около 12 часов дня, светило солнце и была слышна музыка со стороны корабля. Я обошел всё вокруг, — никаких следов нет. Стою и не знаю что делать. Знаю точно, что людей здесь быть не могло. Вдруг слышу громкий и медленный шум шагов, а дороги здесь нет. Поворачиваюсь в сторону звука и вижу чёрную высокую фигуру в длинном плаще, со шляпой на голове и в тяжёлых сапогах. Она шла медленно прямо сквозь деревья и громко топая. Промелькнула мысль, что она топает не в такт с музыкой.

Да, выглядела она очень важной и независимой. На меня даже не оглянулась. Кажется, я оцепенел от страха, и думаю, это было начало поседения моих волос.

Пришлось на ближайшем корабле плыть домой и покупать новый этюдник, краски и кисти. Купить этюдник в то время было делом не простым. Пришлось просить своего учителя Льва Овчинникова, которому было легче это сделать, так как он был членом Союза художников.

Возвращаюсь на остров на корабле “Королев” вместе с паломниками. Ночью разыгрывается нешуточный шторм и наш корабль уносит далеко от берега. Битва команды корабля со стихией продолжилась почти сутки. Закончилась победой “наших”. До цели доплыли.

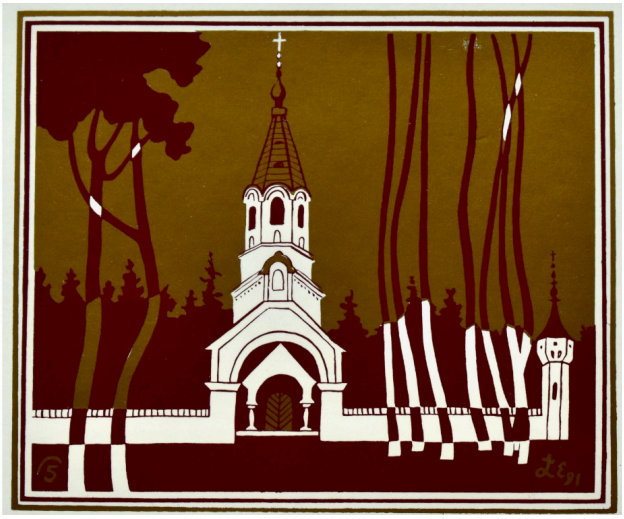
Валаам — остров с реальной мистикой, как положительной, так и отрицательной. Как сказал бы Кастанеда, — место силы. Особенно это чувствовалось на Предтеческом острове, на котором был самый строгий монастырский устав. Жившие там монахи хранили обед молчания и ели, что найдут в лесу.

Однажду я поплыл туда с дочкой Валентины на вёсельной лодке. Не пустили нас духи этого острова, стали дуть, создавая волны и кричать на разные голоса. Впечатление было такое, что там живут соловьи-разбойники. Кто знает, может быть это духи монахов, которые себя мучили постом и молитвой. Зачем они себя мучили?

«Мир не есть только тот, что мы видим и воспринимаем органами чувств. Он также есть мир духовный, невидимый, скрытый от нашего понимания.»

Это цитата Павла Флоренского, философа, богослова и учёного, умершего на Соловках, в одном из советских концентрационных лагерей, в 1937 году. Пришло время познакомиться с его внуком, который занял должность первого настоятеля монастыря, когда его вновь открыли в 1989 году. Он пригласил меня на беседу во время прогулки. Когда мы проходили мимо большой сосны, знаменитой тем, что её изобразил на своей картине Иван Шишкин, отец Андроник предложил мне нарисовать скиты острова. Я сделал рисунки трех скитов в технике шелкография тиражом 50 штук каждый, и монастырь купил их у меня. Затем он рекомендовал мне пожить немного на острове Коневец, где настоятелем работал отец Назарий. Что я и сделал следующим летом.
Этот сезон запомнился еще и тем, что мы познакомились с замечательной семьей из Америки. Они приобрели у меня несколько картин и рассказывали о своей жизни в США. Мы

КРАСНЫЙ СКИТ



БЕЛЫЙ СКИТ

обменялись адресами, после чего они отправились дальше на теплоходе.

Спустя некоторое время, когда мы были дома в нашей ленинградской квартире, раздался звонок в дверь. Я открыл и увидел двух высоких молодых людей в элегантных костюмах. Они, слегка ломая язык, представились на русском и сообщили, что их попросила заехать к нам та самая американская семья, с которой мы познакомились на Валааме. В качестве подарка они привезли нам Библию мормонов на русском языке с дарственной надписью от 13-го президента Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Молодые люди оказались очень веселыми: они с энтузиазмом демонстрировали разные диалекты английского языка, исполняя песню "Goosey Goosey Gander, Whither Shall I Wander?". Это было невероятно забавно.

Я подумал, что с такими людьми вполне мог бы жить по соседству. Однако одно меня удивило: почему они не пьют вино, чай и кофе? Такие ограничения явно не для меня.

Оставим *“Богу богово, а кесарю кесарево”* (Евангелие от Матфея (22:21)) и вернемся на материк.

Встреча с Игорем

Петербург — Ленинград был построен Петром Великим на болоте.
Такие писатели как Андрей Белый, Дмитрий Мережковский и Анатолий Анциферов, да и Гоголь с Достоевским воспринимали этот город именно как болото в метафорическом смысле. Город поглощает его жителей своим мороком, и в то же время дает духовную энергию выйти из этого туманного состояния. Я чувствовал это и очень надеялся выскочить из этого тумана, как символа коллективной галлюцинации.

Чем больше я читаю, чем больше узнаю,
тем больше я уверен, что знать перестаю.

Однажды подруга моей жены пригласила нас на свой день рождения и сказала , что один из гостей будет человек, обладающий неординарными способностями. Пришли. Небольшая квартира, в ней человек примерно пятнадцать. Один из них играет на бубне. Это был Игорь Калинаускас. Все сели за стол. На столе был узбекский плов и много бутылок с модным тогда спиртом из Швеции под маркой "Рояль" (Royal) и лимонадом “Киви”. Игорь вел себя как тамада на грузинской свадьбе: постоянно наливал и говорил тосты. Закусывать было некогда. А наливал он примерно в равной пропорции

спирт и лимонад и называл это Кививовка, от слова киви, которое было созвучно слову Киев, городу в котором он тогда жил. Опьянели все очень быстро. Игорь сел на пол, пригласил меня сесть рядом и спросил: “Сашка, а ты знаешь, что я мокша?” Почему-то ответ у меня вылетел сразу: “Знаю”. Хотя откуда я знал? Только слово такое санскритское слышал. Он рассказал мне немного о своей школе, и я попросил взять меня в ученики, но он ответил, что у него достаточное их количество, и на большее нет сил. Посоветовал поехать в Литву к его ученикам и мастерам его школы Еве, Виргинии или Йоносу. Случайно или нет я поехал к Виргинии. Как я доехал до нее вы уже знаете, чем закончились мои поездки тоже. В промежутке были разные с ней встречи: походы в театр и на выставки, поездка с моей семьей в Ниду на берег Балтийского моря и медитации. Однажды были медитации на тему больших арканов карт таро. По возвращении домой я нарисовал 22 картины. Сейчас они называются Virgin Tarot и находятся в Музее карт таро у Ричарда Капана в городе Stamford, Connecticut, USA.

Семья

В семье у нас было полное взаимопонимание, но как у нас была организована социальная жизнь, я даже сейчас не могу ответить. Мы могли читать вслух книгу до утра и вместе смеяться, если это была книга Кастанеды или Ошо. Могли пойти посредине ночи в магазин, если холодильник был пуст. Часто мы выполняли упражнения, которые советовал Ошо,

например, смотрели рассеянным взглядом на себя в зеркало или друг на друга. Когда человек, на которого смотришь, исчезал, а на его месте становилась видна только пустота, это вызывало сильный смех. Только юмор казался реальным, а реальность остального мира оказывалась под большим вопросом.
Когда Игорь или Ева устраивали занятия или лекции мы с женой всегда вместе ходили на них. У них обоих было хорошее чувство юмора, и нам это нравилось.

Однажды моя жена решила сшить себе трусы и сшила их таким образом, что сверху они выглядели как знак бесконечности. Мы узнали их. Это были трусы Мёбиуса. Смеялись все и долго. Я считаю, что такие трусы достойны висеть в Центре Помпиду (Centre Pompidou) в Париже.

Одновременно происходили удивительные события. У нас родился второй сын Михаил, а через полтора года — третий Димитрий. Три сына — это три благословения с небес. Я от всей души желал каждому из них, чтобы в их жизнях сбывались строки из стихотворения Михаила Лермонтова “Ребенка милого рожденье” :

“ И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!”

В 1996 году наш старший сын Артемий пошёл в школу. Напротив нашего дома была школа с углубленным изучением иностранных языков (хинди и английского). Для того, чтобы

ДЕТИ ДИМИТРИЙ И МИХАИЛ

АРТЕМИЙ, МИХАИЛ И ДИМИТРИЙ

моего ребенка взяли учится туда мне пришлось пойти преподавать в ней рисование и расписывать стену Актового зала в индийском стиле. Я делал это с удовольствием.

Младшие дети росли дома, часто общаясь с бабушками и дедушками. На лето они брали их то в одну деревню, то в другую. У каждых был собственный дом, у моих родителей был дом в Псковской области, у родителей жены — в Калининской. Была у нас также дача на берегу Невы, в Пелле, куда мы ездили на выходные.
Тем временем в воздухе пахло свободой и была наивная вера, и была надежда, что в стране скоро наступит порядок и демократия.

"Что в сердце безмолвном теснилось давно,
То вырвалось песней наружу," — Афанасий Фет

Я организовывал свои персональные выставки в разных галереях и расписывал стены кафе на заводе под названием АТИ. Эти три буквы были как предзнаменование. Через год я

узнаю, что существует учение Ати-йога и оно станет моим смыслом жизни. Директор этого завода построил на его территории церковь с почитанием иконы Божьей Матери “Неупиваемая чаша”. Эта икона считается покровительницей тех, кто страдает от алкогольной и наркотической зависимостей. Эту икону написал я по просьбе старосты этой церкви, и она висит там до сих пор, и, надеюсь, помогает людям.

Медитация

Сидел я на пасеке моего товарища, на лесной поляне и наблюдал свои мысли. Глаза были полуоткрыты и смотрели расслабленно в пространство передо мной. Через какое-то время, когда мысли затихли, я стал видеть удивительные вещи. Все вокруг дышало жизнью и играло без всяких целей и причин. Муравей играл с листиком, листик играл с муравьем. Воздух был виден, и он играл с опускающимся на поляну туманом. Время остановилось, но было видно как солнце садится за деревья, и все деревья, травы и цветы поклонились солнцу и молча поблагодарили за день. С заходом солнца мне стало прохладно и пришлось выйти из сказки. Я вижу её очень отчетливо до сих пор и верю, что мы все так живем, но рациональные заботы не позволяют видеть живую жизнь вокруг нас.

Мне хотелось развивать это видение дальше и глубже, но я не знал как. Главное создать намерение, — сказал бы Кастанеда.

Ати-йога уже начала шагать по планете, благодаря китайскому завоеванию Тибета. Мой будущий учитель Чогьял Намкай Норбу сбежал из Тибета и, по воле судьбы, в Неаполе стал занимать должность профессора тибетского и монгольского языков в Университете Востоковедения. В 70-х годах вокруг него стали собираться люди, жаждущие знаний о себе и мире. Так постепенно начала создаваться международная Дзогчен-община. Понять, что это за учение, на аналитическом уровне не сложно, но войти в это знание, думаю, даже сложнее, чем понять квантовую физику.

Я практикую Ати-йогу 27 лет и чувствую себя примерно в том же возрасте, в котором познакомился с ней и взрослеть ни в коем случае не желаю. Время для меня потеряло всякое значение, а смеяться над собой я стал больше и чаще, чем раньше.

Солнце по-прежнему светит и одинаково отражается во всех зеркалах мира.

Мираж вместо заключения

Так выглядят мои последние размышления — фантазии о связи учения Дзогчен с квантовой физикой.

Всё, что существует во Вселенной, включая наш ум, обладает двойственной природой — волновой и квантовой. Ум ведёт себя как мысль-волна и как интуиция-квант.

Мысль течёт во времени, как волна — она приходит и уходит. Высота волны определяется эмоцией, которую она несёт.

Квант — это мгновенное осознание, которое возникает за пределами мыслей. Это чистое знание в моменте, независящее от времени. Это состояние похоже на "суперпозицию" — единовременное существование нескольких возможных состояний.

Когда появляется наблюдатель, проявляющийся как осознанность или присутствие, волновая функция схлопывается, и волны мысли затихают.

Когда нет шума от мыслей, остаётся только интуиция. Она мгновенна, цельна и не требует доказательств. Это похоже на квантовый скачок, когда система перестаёт находиться в неопределённости и переходит в состояние определённого результата — чистого осознания.

Наш ум становится зеркалом, отражающим процессы единого сознания, общего для всех существ. Все индивидуальные сознания — это лишь проявления одного универсального сознания, не ограниченного ни пространством, ни временем.

В этом состоянии чистого внимания наблюдатель продолжает существовать.

Моя мысль-волна приходит к выводу, что смерть — это не конец, а начало нового приключения внутри того же сознания, с тем же самым сознанием. Это путешествие наблюдателя.

Даже если мираж не приводит к реальной воде, он может поддержать путника, дав ему цель двигаться вперёд, сохраняя надежду.

Заканчиваю словами моего учителя,Чогьяла Намкайя Норбу, которые не мираж:

“Осознание нашего истинного состояния и продолжение его присутствия на самом деле являются сутью всех путей, основой всех медитаций, завершением всех практик, основой всех секретных методов и ключом ко всем глубочайшим учениям.
Вот почему мы должны стараться поддерживать постоянное присутствие, не отвлекаясь ни на что.”

ПОРТРЕТ НАМКХАЙ НОРБУ РИНПОЧЕ

Оглавление

Предисловие 1

Самое важное 2

История эмиграции 3

Начало новой жизни 11

Моё рождение 14

Коммуналка 17

Последнее поколение дворов 20

Переходный возраст 21

Новая школа 22

Бабушка Александра Григорьевна 24

Детское Село — город Пушкин 27

ЛЭТИ им. Ульянова (Ленина) 30

Почтовый ящик 34

Леннаучфильм 37

Музей А. Ахматова. Серебряный век 39

Восточное направление 41

Абхазия и Старая Русса 45

Остров Валаам 46

Встреча с Игорем 51

Семья 52

Медитация 55

Мираж вместо заключения 56

МНЕ 70 ЛЕТ